ДАЙ ОТВѢДАЮ!

У иныхъ есть преглупая привычка, брать все, что ни попало, на языкъ. Нашелъ въ бумажкѣ гдѣ–то какой нибудь порошокъ — что–де такое это, дай отвѣдаю; нашелъ стклянку завалящую съ чѣмъ–нибудь — тряхнетъ на свѣтъ, тамъ откупоритъ, понюхаетъ, да и глотнетъ; коли не покажется, такъ выплюнетъ, а коли не деретъ кожу съ языка, такъ и проглотитъ. Однако это не всегда ладно съ рукъ сходитъ, и не разъ бывала отъ этаго бѣда большая. Развѣ всякая дрянь на то поставлена, положена или брошена куда–нибудь, чтобы дуракъ пришелъ да съѣлъ ее? А развѣ мало такихъ снадобьевъ бываетъ, что зерно съѣшь, такъ покоробитъ тебя и въ дугу сведетъ? Развѣ мало такого зелья на свѣтѣ, что и не отплюешься послѣ, какъ въ ротъ его возьмешь, и вѣкъ пойдешь няньчиться съ лихою болѣстью? Хорошо

еще, коли ты, какъ деньщикъ у насъ былъ, въ–потьмахъ сдуру ваксы хватишь изъ бутылки, вмѣсто квасу, да отъ купоросу пронесетъ тебя немного — и тѣмъ дѣло кончится; а если, какъ случилось другому, хлебнешь чистаго купороснаго масла, да пролежишь недѣль шесть въ госпиталѣ безъ языка, а потомъ еще всѣ сподрядъ зубы почернѣютъ, да выкрошатся? Недавно былъ случай еще и хуже того. На стеклянныхъ заводахъ держатъ мышьякъ, затѣмъ, что идетъ онъ въ стекло, и называютъ его, просто, бѣлымъ камнемъ. Тамъ всякій знаетъ его и остерегается; а пришелъ посторонній человѣкъ, смотрѣлъ все, разспрашивалъ, и думаетъ: что за бѣлый камень? мѣлъ не мѣлъ, и пемза не пемза; непремѣнно это аптечное лекарство, должно быть, хорошее — и отсыпалъ себѣ, когда ни кто не видалъ, съ горсточку, да дома, для большаго здоровья, щепотки двѣ размѣшалъ въ водѣ и выпилъ. Что жъ, легче стало ему? Да, всю ночь благимъ матомъ прокричалъ, а тамъ легко стало — и

замолкъ, когда обмыли, да положили его на столъ. Вотъ–те и лекарство!